

Одиночество
Сонни и
Санни

K I R A N D E S A I

The Loneliness of
Sonia
and **Sunny**

КИРАН ДЕСАИ

Одиночество
Сон и
Сани

РОМАН

Перевод с английского

Эвелины Меленевской

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д37

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Десаи, Киран.

Д37 Одиночество Сони и Санни : роман / Киран Десаи; пер. с англ. Э. Меленевской. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 720 с.

ISBN 978-5-17-177866-8

Соня одинока в заснеженном Вермонте. Студентка, мечтающая стать писательницей, она тоскует по родной Индии и надеется, что роман с художником намного старше нее поможет ей в ее американской жизни. Но это окажется заклатьем, которое омрачит ее существование на долгие годы. Санни, журналисту, приехавшему в Шатты из Дели, тоже одиноко. Ему не просто с его американской подружкой, сложно освоиться в стране, с которой он решил связать будущее. Пройдя через множество испытаний, они начинают задаваться вопросами о том, как они понимают счастье, что для них значат близкие отношения, откуда они и куда движутся.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-177866-8

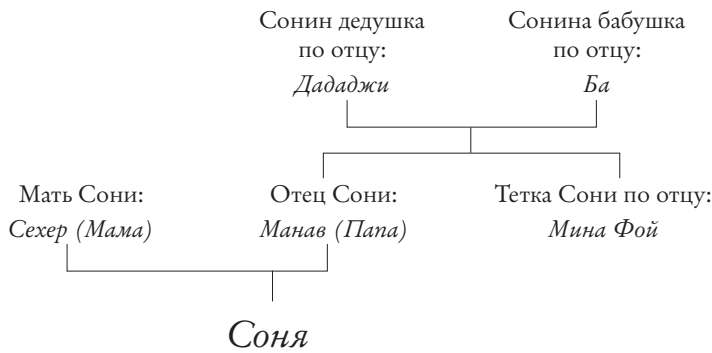
© Kiran Desai, 2025
All rights reserved
© Э. Меленевская, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО "Издательство АСТ", 2026
Издательство CORPUS ®

Содержание

ЧАСТЬ I	Одиноко? <i>Одиноко?!</i>	11
ЧАСТЬ II	Зима унылая, бесконечная	27
ЧАСТЬ III	Ты получил это дурацкое письмо?	81
ЧАСТЬ IV	Это все любовь	121
ЧАСТЬ V	Станный затхлый запах дома	201
ЧАСТЬ VI	Многое запало мне в сердце	265
ЧАСТЬ VII	Чужак-обманщик!	321
ЧАСТЬ VIII	Где вы любите, чтобы вас щекотали?	347
ЧАСТЬ IX	Белый пес-океан	361
ЧАСТЬ X	В темных дебрях гор	411
ЧАСТЬ XI	Зуд	431
ЧАСТЬ XII	На самом ли деле Италия?	447
ЧАСТЬ XIII	Не быть индийцу крутым	477
ЧАСТЬ XIV	Если москиты и знали, они не сказали	497
ЧАСТЬ XV	Тоже мне утешение!	519
ЧАСТЬ XVI	В свете Мексики	553
ЧАСТЬ XVII	Тот, кто тебя заполучит, настоящий счастливчик	577
ЧАСТЬ XVIII	Река любви путем неведомым течет	595
ЧАСТЬ XIX	Сказочная луна	607
ЧАСТЬ XX	Я вижу тебя, Облачный демон	625
ЧАСТЬ XXI	Кто нырнул в нее, потонет, потонув — переплывет	695
	<i>Благодарности</i>	715

Памяти моего отца посвящается

СЕМЬЯ СОНИ ШАХ

Прислуга в Аллахабаде:
Хансама, Айя, Дари

Прислуга в Дели:
повар Чандубхай,
горничная Альпа,
шофер Балбир Сингх

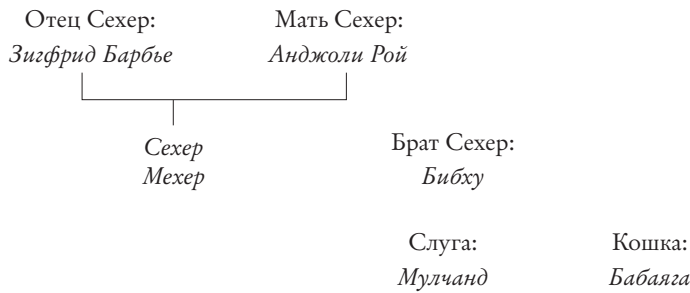
Друзья Сони:
Мари, Одри Хонг,
Армандо

Друзья Шахов:
Дилип и Хуши,
Джехангир и Марго,
Нил и Далджит,
Феруза

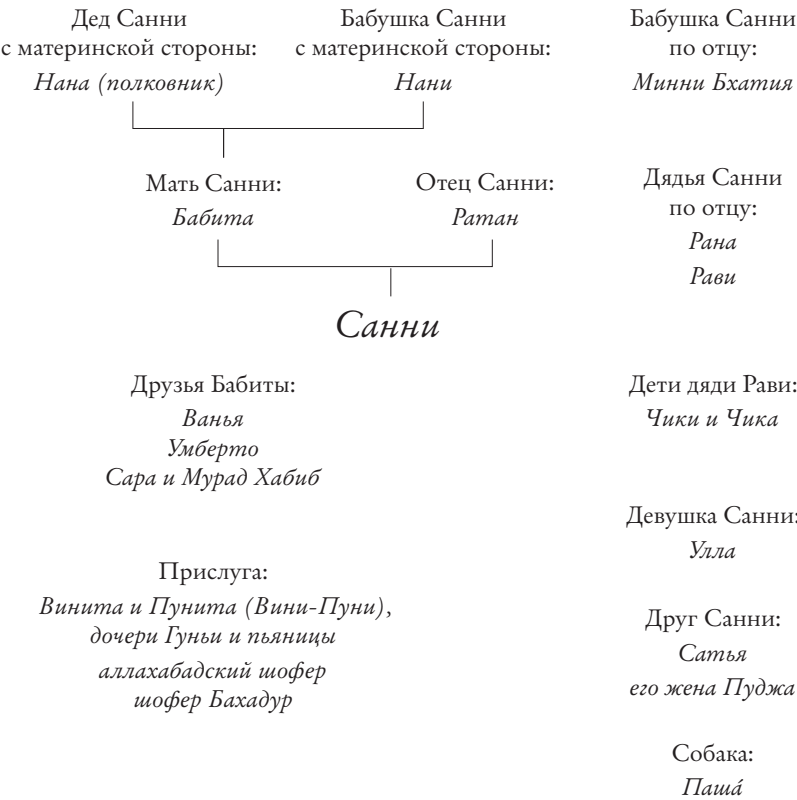
Работодательница Сони:
Леони (Лала) Лелуп

Любовник Сони:
Илан де Турьен-Фосс

СЕМЬЯ БАРБЬЕ

СЕМЬЯ САННИ БХАТИЯ

ЧАСТЬ I

Одиноко? *Одиноко?!*

ГЛАВА 1

Солнце еще выползло из зимней предрассветной мглы, когда Ба, Дададжи и дочка их Мина Фой, кутаясь в шали, вышли на веранду выпить чайку и определить, путем тщательного отбора, чем они сегодня будут трапезничать. Меню следовало огласить за завтраком, чтобы повар поторопился сразу на рынок. Это был день рождения Мины, первого декабря 1996 года ей исполнилось пятьдесят пять, и баранина для кебабов на праздничный ужин мариновалась на кухне с ночи.

— Рис? — выкрикнула Ба. — Роти¹? — Она начинала глохнуть, но знала, что нужно перекричать и уличный транспорт, грохочущий спозаранку мимо главных ворот, и карканье сотен ворон: их гам так тесно сопровождал ежеутренний восход солнца, что, казалось, именно вороны в муках разрождаются дневным светом. — Пилав? — предлагала она. — Парата²?

Над ними, в треугольнике входного портика, помещался гипсовый бюст дородного джентльмена в галстуке, вдохновленный, надо полагать, рисунком, сделанным первоначальным владельцем этого бунгало, который попутешествовал по Европе, не расставаясь с альбомом для рисования так же,

1 Роти, чапати — индийский хлеб из пшеничной муки, вроде тонкого лаваша. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2 Парата — слоистая лепешка, порой с начинкой.

как, по его наблюдениям, делали чужестранцы в Индии. И кто знает, что было тому виной, то ли особенности дарования художника, то ли несоответствие всей затеи окрестностям Аллахабада, то ли шлепки птичьего помета, но снизу бюст выглядел не столько благородным джентльменом, сколько нелепым снобом, вознесшим очи к небу над головой, которое вот уже четверть века не баловало ничем живописным. Вот ни разу не баловало с тех пор, как национального значения шоссе расширили для удобства грузовиков, доставлявших капусту, цемент, коз, пшеницу и — если верить газетам и сплетням — прости-тутки и венерические заболевания.

Не смущаясь ни джентльменом в галстук, ни загрязняющими округу грузовиками, ни чаевничающей на веранде семьей, воронье *кар-кар-кар* набирало крещендо.

— Цветная капуста? — напирала и Ба. — Шпинат?

— Картофель? — предложил Дададжи и, приподняв ноги с полу, потер ступни одна о другую так нежно и непринужденно, словно то были мягкие бархатные ладони. — Всею на свете гуджаратцы предпочитают картофель, — присовокупил он, будто оправдываясь перед отсутствующим антропологом. Они были переселенцами, перебравшимися из Гуджарата в Уттар-Прадеш. Много лет назад адвокатская практика Дададжи привела его в суд Аллахабада.

Два приплюснутых телефона — один в углу гостиной, другой на письменном столе Дададжи — затарахтели, как жабы на болоте, *трр-трр-трр*, и все догадались, что это младший брат Мины Фой, Манав, второй ребенок Дададжи и Ба. Дададжи поднял трубку того телефона, что стоял у него на столе, а Мина под села к тому, что в гостиной. Ба, та никогда не разговаривала по телефону, не было у нее такого в заводе, даже если б исправный слух.

— Долгой жизни тебе, Мина, — пожелал Манав сестре.

— Да и так уже зажились, — отозвалась Мина Фой.

Ей хотелось поделиться с братом своей надеждой на то, что супруги-миссионеры заглянут к ним, как было в прошлом году, и принесут печенье с шоколадной крошкой, привезенное

из Айовы, но ведь они могут не вспомнить, что сегодня у нее день рождения, а она не может им подсказать. Пользоваться телефоном по собственному почину ей запрещалось, ибо телефонная болтовня — попустительство и ничемная роскошь.

Дададжи обсудил с сыном растущую стоимость одной из своих инвестиций, а затем, под конец беседы, поинтересовался здоровьем невестки Сехер и внучки Сони.

— Соня нас беспокоит, — ответил Манаб. Соня училась в колледже в Вермонте. — Похоже, она впала в депрессию. Она плачет по телефону, а когда мы перезваниваем ей через день, все опять снова-здорово.

— Но почему? — спросил Дададжи. — Она там уже три года. С чего бы это ей вдруг плакать?

— Она говорит, ей одиноко.

Последний раз Соня приезжала домой два года назад.

— Одиноко? Одиноко?!

В Аллахабаде одиночества не было и быть не могло. То есть каждый, конечно, вправе был почувствовать себя сиротливо из-за того, к примеру, что его неправильно поняли, и каждому, надо думать, знакома мертвенная опустошенность аллахабадских сумерек, когда волна ушла и, кто ее знает, вернется она или нет, и это, конечно, могло сойти за разновидность покинутости; но никто из них никогда не спал в доме один, никогда не ел в одиночестве, никогда не жил там, где не было бы знакомых, никогда не просыпался без того, чтобы повар не принес ему чаю, и всегда желал доброго утра сразу нескольким людям:

— Намасте, Хансама.

— Доброе утро, мамочка.

— Доброе утро, папочка.

— Мина, доброе утро.

— Намасте, Айя!

Всякий раз, когда Дададжи вспоминал стихотворение Вордсворта, которое его заставили выучить в школе, про нарциссы: “Я брел одиноко, как туча, плывущая выше гор”, — эта строчка казалась ему до того несуразной, что он запрокидывал голову и хохотал так, что верхняя челюсть вываливалась и па-

дала с громким стуком. Однако сейчас, чувствуя в себе необычайный прилив щедрости из-за того, что стоимость его акций росла, Дададжи велел Мине Фой позвонить Соне. И поскольку у него были проблемы со зрением — отслоение сетчатки, глаукома и катаракта, — он поднес увеличительное стекло к слезящемуся, покрасневшему глазу и, склонив голову так низко, что нос его уткнулся в страницу записной книжки, зачитал вслух номер общежития Хьюиттского колледжа в Норт-Хьюитт. Мина Фой, втыкая палец в отверстия наборного диска, почти с час диск накручивала, дозваниваясь, пока палец не онемел. Наконец где-то вдалеке задребезжало, и кто-то, растягивая слова — по-ковбойски, решила она, — ответил.

К счастью, Дададжи взял трубку внутреннего телефона. Сама Мина Фой с ковбоем бы говорить не решалась. Перегруженный палец так и завис торчком в воздухе.

— Алло, алло, пожалуйста, соедините нас с Соней Шах, которая живет в комнате номер пять, — выкрикнул Дададжи и, дождавшись, когда Соня войдет в телефонную будку, спросил: — В чем дело? Почему твой отец говорит, что ты несчастна? У тебя порядок с учебой?

— Да, — жалобным голосом ответила Соня.

— Ну? И в чем же тогда проблема?

— Чем вас там кормят? — включилась Мина Фой.

— Макаронами! — ответил Сонин дед в свою трубку.

— Нет, Дададжи, — ответила ему Соня, — меню тут очень интернациональное. Ужин бывает то китайский, то мексиканский.

— А индийский? — рискнула спросить Мина Фой.

— Иногда на обед подают “томатные тигры” — это помидоры и сыр на тосте из маффина, и все посыпано порошком карри.

— Ни о чем подобном не слышал! — возмутился дед.

— А на десерт? — прошептала Мина Фой.

— Брауни с мороженым, пай с орехом пекан или черничный.

От одной мысли о такой неслыханной роскоши у Миной Фой сердце заныло.

— Пай — это очень американская еда, — подтвердил Дададжи. — Ну, и о чем же ты плачешь, счастливица?

— Меня донимают мысли, — попыталась объяснить Соня. — Я все думаю и думаю о том, что со мной будет. Думаю и не могу перестать. Я боюсь зимы. Когда холодно и темно, все становится еще хуже...

— Ты попрыгай немножко, разомнись, а потом возьми за учебники. Ты должна стойко переносить трудности. Вот не брось я ту жизнь, которая была мне на роду написана, жила бы ты сейчас в Надиате и замужем с шестнадцати лет, а не училась в Америке.

У Мины Фой сами собой стиснулись руки, лежавшие на коленях, когда она вспомнила, как в детстве гостила в родовом доме отца, где женщины побирались, подъезжая то, что осталось после мужчин. А когда у девушек шли месячные, их изгоняли — даже из этого межеумочного житья! — в хижину на задах поместья, где они ели из глиняных мисок, которые после полагалось разбить над мусорной кучей, дабы не осквернять мир.

Дададжи собственноручно спас их от этой замшелой жизни. Да, что и говорить, у него железная воля и характер, как порох, но именно эти качества обеспечили Ба каждодневное место за обеденным столом из полированного красного дерева. А когда Дададжи вышел на пенсию, он взял ее в кругосветное путешествие, в которое они отправились вместе с его младшим братом Амалем Кака и женой Амалы Кака, потому что Амаль Кака тогда еще не украл наследство предков и в то время братья были близки.

Спустя столько лет с той поездки Ба и Дададжи не смогли бы припомнить ни единой достопримечательности, ни единого памятника, ни единого музея, но не в силах были забыть зеленый шарф, потерявшийся по дороге на Мачу-Пикчу, как и устройство, которое обещало рассказать в наушники записанную на пленку историю Ватикана, если они бросят в него монетку, но когда они бросили, этого не произошло, и они пошли жаловаться, а касса оказалась заперта на обед. “Нам что, вернуться через двадцать минут?” — спросили они охранника. “Где вы видели обед за двадцать минут?!” — возмутился охран-